

написанное о Евсевіи по различнымъ поводамъ въ разныхъ общихъ трудахъ по исторіи церкви и догматовъ, но она бѣдна, если подъ нею разумѣть спеціальныя монографіи объ этомъ плодовитомъ писателѣ, гдѣ были бы собраны, критически провѣрены и сведены къ единству всѣ литературныя замѣтки, всѣ трактаты объ отдѣльныхъ сторонахъ сочиненій Евсевія. Отсюда для г. Мишина возникло затрудненіе, для преодоленія котораго нужна была большая усидчивость и трудолюбіе. Ему необходимо было тщательно ознакомиться съ разбросанной и отрывочной литературой о Евсевіи, а для этого необходимо было просмотрѣть множество монографій и курсовъ, не имѣющихъ повидимому прямого отношенія къ предмету и извлечь оттуда все, что такъ или иначе касается Евсевія. Эту задачу авторъ выполнилъ вполне удовлетворительно. Онъ не только овладѣлъ спеціальной литературой предмета, но не опустилъ изъ вниманія ни одного болѣе или менѣе важнаго научнаго труда, имѣющаго къ предмету изслѣдованія косвенное отношеніе. Авторъ широко воспользовался всѣмъ, что только могъ найти въ нашей библіотекѣ относящагося къ его предмету. Такое широкое знакомство съ литературой было возможно только потому, что авторъ кромѣ трудолюбія обладаетъ еще хорошимъ знаніемъ языковъ латинскаго, нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Что касается отношенія автора къ пособіямъ и литературѣ предмета, то оно заслуживаетъ полнаго одобренія: ни однимъ изъ ученыхъ трудовъ авторъ не пользуется безъ должной критической провѣрки его. Напротивъ всюду замѣтна осторожность, обдуманность и критическое отношеніе къ литературѣ, которою онъ пользовался.

Добросовѣстное изученіе первоисточниковъ и литературы принесло обильные плоды. Благодаря ему авторъ вполне ориентировался въ сложной исторіи аріанскихъ споровъ и могъ совершенно ясно и опредѣленно указать положеніе Евсевія въ исторіи догматовъ, отношеніе его ученія къ ученію предшествующихъ и современныхъ ему церковныхъ писателей.

Въ такомъ обширномъ (730 стр.) трудѣ, какъ сочиненіе г. Мишина, написанномъ при томъ же въ годичный срокъ на студенческой скамьѣ, конечно, не все можетъ быть обработано съ равнымъ совершенствомъ. Поэтому и сочиненіе

г. Мишина имѣеть нѣкоторые легко устранимые и не касающіеся существа дѣла недостатки. Такъ не всѣ пункты догматическаго ученія Евсевія изложены имъ съ одинаковою тщательностью и глубиною анализа. Ученіе Евсевія о личности Христа и о спасеніи изложено имъ гораздо поверхностнѣй, чѣмъ ученіе о пресв. Троицѣ. Это объясняется желаніемъ представить сочиненіе въ законченномъ видѣ и естественною торопливостью въ концѣ годовичныхъ занятій и заслуживаетъ тѣмъ большаго извиненія, что главный интересъ темы сосредоточивается на ученіи Евсевія о пресв. Троицѣ, такъ какъ догматовъ о Лицѣ Иисуса Христа и о спасеніи Евсевій касается лишь мимоходомъ и не дѣлаетъ ихъ предметомъ нарочитаго богословскаго истолкованія и анализа. Нѣкоторыя страницы сочиненія отличаются также недостаточною ясностью изложенія, а нѣкоторыя частныя сужденія автора могутъ вызвать у читателя возраженія.

Такіе мелкіе недочеты неизбѣжны конечно въ каждомъ научномъ трудѣ, а потому они нисколько не умаляютъ достоинствъ сочиненія г. Мишина. Трудъ г. Мишина не только даетъ полное основаніе присудить его автору степень кандидата богословія, но и заслуживаетъ особеннаго вниманія и поощренія со стороны Совѣта“.

23) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Невскаго Михаила*: „Исторія антиохійской схизмы“:

„Сочиненіе г. Невскаго имѣеть довольно дробное дѣленіе. Оно состоитъ изъ предисловія, введенія, пяти главъ и заключенія, при чемъ каждая изъ главъ въ свою очередь дѣлится на двѣ части.

Въ предисловіи (I—XIV) авторъ оправдываетъ терминологию своей темы, доказывая, что изслѣдуемое имъ историческое событіе, обычно означаемое именемъ мелетіанскаго раскола, правильнѣе называть антиохійской схизмой, и обозрѣваетъ источники и пособія. Такъ какъ формулировка темы зависѣла не отъ автора, то ясно, что съ защищаемой имъ терминологіей надо согласиться.

Слѣдующее за предисловіемъ введеніе (1—34) имѣеть цѣлю очертить внутреннее состояніе церкви IV вѣка въ борьбѣ съ аrianствомъ, въ которомъ авторъ и видитъ главную (общую) причину возникновенія антиохійской схизмы. Первая

глава въ первой своей части (35—101) посвящена изложению историческихъ условій, вызвавшихъ первоначальное раздѣленіе антиохійскихъ христіанъ, и слѣдить за исторіей этого раздѣленія до поставленія Мелетія въ епископы Антиохіи, вторая-же часть первой главы (102—158) обсуждаетъ догматическое ученіе Мелетія и Павлина, доказывая православіе обоихъ. Вторая глава (158—262) въ обѣихъ своихъ частяхъ изслѣдуетъ происхожденіе и значеніе терминологической разности, отличавшей старшее поколѣніе никейцевъ отъ младшаго, и результаты изслѣдованія примѣняетъ къ вопросу о схизмѣ. Въ третьей главѣ продолжается исторической разсказъ о событіяхъ, касающихся схизмы, при чемъ первая ея половина (263—285) обозрѣваетъ дѣятельность александрійскаго собора 362 г., а вторая (286—342) говоритъ о Люциферѣ Каларійскомъ и его вмѣшательствѣ въ антиохійскія дѣла. Въ четвертой главѣ (343—521) обсуждаются сношенія св. Василя Великаго съ Западомъ и указывается ихъ значеніе для антиохійской схизмы. Пятая глава (522—582) излагаетъ исторію партій въ Антиохіи и дѣятельность ихъ представителей до окончанія схизмы. Въ заключеніи къ сочиненію (583—610) авторъ суммируетъ свои выводы по вопросу о причинахъ, содѣйствовавшихъ возникновенію и продолжительности антиохійскихъ нестроений.

Предметъ, взятый авторомъ для своего изслѣдованія, не новый. Напротивъ, всѣ вопросы, предлежавшіе ему обсужденію, въ существующей западной церковно-исторической литературѣ уже давно изучены и обслѣдованы даже въ деталяхъ, хотя и не вездѣ приведены къ окончательнымъ результатамъ. Автору предлежало критически провѣрить по источникамъ ученую литературу и, воспользовавшись всѣмъ цѣннымъ въ ней, начертить цѣльную картину исторіи антиохійской схизмы. Надо замѣтить, что въ этой спеціальной постановкѣ дѣла авторъ не имѣлъ предшественниковъ, такъ какъ особыхъ монографій объ антиохійской схизмѣ не существуетъ. Насколько хорошо авторъ выполнилъ свою задачу?

Оцѣнивая его работу, должно прежде всего признать за нимъ вполне добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Литературу, касающуюся своего вопроса, онъ изучилъ и съ источниками ознакомился обстоятельно. Ни одного вопроса онъ не обошелъ безъ надлежащаго обсуждения. Въ общемъ онъ

собрали весьма обильный материал по занимающему его предмету, не упустивъ ничего, стоящаго вниманія. Но выполнить въ совершенствѣ своего дѣла ему не удалось. Главный недостатокъ его сочиненія состоитъ въ его композиціи. Антиохійская схизма, будучи явленіемъ мѣстнымъ и частнымъ, тѣсно связывалась съ общими теченіями тогдашней церковной жизни и только въ нихъ находитъ свое объясненіе. Авторъ это понималъ; онъ вездѣ даетъ характеристику этихъ теченій, отводя имъ иногда больше мѣста, чѣмъ требовалось, но установить тѣсную связь между ними и антиохійскими событіями онъ не могъ. Напр. глава о сношеніяхъ Василія Великаго съ Западомъ, стоявшихъ въ самомъ близкомъ отношеніи къ антиохійскимъ распрямъ, у него является какимъ то самостоятельнымъ эпизодомъ, нарушающимъ послѣдовательное развитіе событій.

Въ предисловіи авторъ сознается, что „разнообразіе содержанія, относящагося къ изслѣдуемому нами вопросу, не дало намъ возможности въ короткій періодъ времени вполне и совершенно обработать его (VIII стр.)“. Это вполне вѣрно: авторъ не справился съ матеріаломъ: объ одномъ и томъ же вопросѣ онъ толкуетъ въ разныхъ мѣстахъ (335—337: 526 и др.), часто отсылаетъ къ послѣдующему и возвращается къ предыдущему (133, 140, 258, 275 и др.). Вообще виѣшняя обработка сочиненія не высока; встрѣчаются неправильныя формы и неудачныя выраженія (18, 21, 74, 357, 480, 126, 158, 215, 152, 516 и др.).

Нельзя одобрить также примѣненія чисто догматической точки зрѣнія къ обсужденію вѣроисповѣдныхъ разностей, раздѣлявшихъ антиохійскія партіи. Оно необходимо вело автора къ приниженію значенія этихъ разностей въ исторіи схизмы. Слѣдовало оцѣнивать ихъ не по мѣркѣ современной догматики, а съ точки зрѣнія изучаемой эпохи, когда этимъ разностямъ придавали рѣшающее значеніе.

Указанные недостатки не препятствуютъ, однако, причислить сочиненіе г. Невскаго къ числу серьезныхъ работъ. Для полученія степени кандидата богословія оно вполне удовлетворительно“.

24) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Овчинникова Василія*: „Значеніе женщины въ исторіи раскола и сектъ“:

„Важности вопроса, которому посвящена названная работа, совсѣмъ не соответствуетъ степень его разработанности въ существующей литературѣ: г. Овчинниковъ близокъ къ истинѣ, отмѣчая во „введеніи“, въ качествѣ ближайшей литературы предмета, всего двѣ журнальных статьи, изъ которыхъ при томъ одна беззастѣнливо списана съ другой. Правда, на ряду съ этимъ существуетъ нѣсколько монографическихкихъ очерковъ и частичныхъ указаній, сдѣланныхъ мимоходомъ въ изслѣдованіяхъ по другимъ вопросамъ; но все это въ существѣ дѣла лишь очень немного способно облегчить трудъ выясненія роли женщины въ исторіи раскола и сектъ. Много нужно самостоятельнаго и внимательнаго изученія источниковъ, кропотливаго подбора и анализа разрозненныхъ фактовъ и указаній, чтобы заполнить существующій пробѣлъ и перевести шаблонную фразу о громадномъ значеніи женщины въ расколѣ на степень подробно обоснованнаго тезиса. Нельзя сказать, что сочиненіе, находящееся передъ нами, выполнило эту задачу во всемъ ея объемѣ: далеко не всѣ тѣ данныя, которыя могли бы быть привлечены къ изслѣдованію, собраны авторомъ и использованы имъ въ своемъ трудѣ. Въ особенности это нужно сказать относительно двухъ послѣднихъ отдѣловъ сочиненія (стр. 293 — 361). Болѣе полно представлены указанія, относящіяся къ ранней исторіи раскола (за XVII в.), въ отношеніи къ которымъ особенная подробность біографическаго изложенія (напр. въ главѣ о Морозовой, стр. 76—231) могла бы быть признана и излишнею въ виду достаточной ихъ разработанности. Есть и другіе недостатки въ разсматриваемомъ сочиненіи: можно, напр., сильно усумниться въ справедливости положенія, высказаннаго авторомъ на стр. 319, гдѣ онъ усвояетъ сектантству свойство—„не поддаваться дѣйствию всемогущихъ историческихъ условій“; не совсѣмъ умѣстны въ работѣ, имѣющей характеръ ученаго изслѣдованія, стихи Мережковскаго, приведенные на стр. 52—54, и т. п. Но работа г. Овчинникова имѣетъ и свои достоинства: внимательное отношеніе къ обследуемымъ первоисточникамъ и существующимъ опытамъ ихъ обработки, рядъ тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній, по поводу изучаемыхъ фактовъ, и правильность общихъ точекъ зрѣнія, опредѣляющихъ ихъ оцѣнку. Виднымъ достоинствомъ сочиненія яв-

ляется живость и литературность изложенія (за исключеніемъ двухъ-трехъ не совсѣмъ удачныхъ выраженій).—Для присужденія автору кандидатской степени сочиненіе вполне достаточно“.

25) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Отрѣзова Ивана*: „Митрополитъ Платонъ (Левшинъ), какъ проповѣдникъ“:

Большое сочиненіе г. Отрѣзова (498 стр. убористаго письма) состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о м. Платонѣ, какъ онъ отъ бѣдной хижины сельскаго псаломщика дошелъ до царскихъ палатъ и сталъ великимъ русскимъ святителемъ. Во второй главѣ авторъ яркими красками рисуетъ картину жизни русскихъ людей 18 в. Предъ нами ихъ идейныя запросы, обыденная жизнь. Изображая эту любопытную эпоху, авторъ нигдѣ не допускаетъ ни одного диссонанса, самыя мелкія характеристическія особенности времени подтверждаетъ неопровержимыми данными, заимствуя ихъ изъ первоисточниковъ и вторыхъ рукъ (35—82). Въ третьей главѣ дѣлаетъ подробный обзоръ катехизическихъ поученій м. Платона (83—114). Съ четвертой главы приступаетъ къ обзору прочихъ проповѣдей м. Платона. М. Платонъ долженъ быть названъ однимъ изъ самыхъ выдающихся проповѣдниковъ, проповѣди которыхъ запечатлѣны глубоко духомъ современности. Ни одно, кажется, явленіе жизни не осталось не отмѣченнымъ имъ съ церковной кафедры. Онъ бичуетъ вольнодумство, развратъ, безумную роскошь, холодность къ вѣрѣ, продажность, рутинерство, вооружается противъ ретроградовъ и т. д. Какъ тѣнь всюду слѣдуетъ за человѣкомъ, такъ проповѣдникъ за всѣми явленіями жизни—положительными и отрицательными. Отъ его взора не ускользало самое малѣйшее явленіе жизни, ни одинъ отрицательный доводъ вольнодумцевъ. Мысль его поражаетъ каждаго удивительной гибкостью. Опровергая вольнодумцевъ, онъ не оставляетъ ни одного ихъ довода безъ разбора и отвѣта. Онъ говоритъ о безсмертіи, о промыслѣ и о бытіи Божіемъ, о воплощеніи и значеніи искупительныхъ заслугъ Христа Спасителя, о таинствахъ, о невозможности замѣнить религію нравственностью и т. д. Вотъ почему на основаніи проповѣдей м. Платона можно нарисовать какъ цѣлостную, жи-

вую картину дѣйствительной жизни русскихъ людей того времени, такъ и дать отдѣльныя характеристики частныхъ явленій, наприм., состоянія просвѣщенія, воспитанія и проч. Въ пятой главѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ содержанія тѣхъ проповѣдей, въ которыхъ проповѣдникъ говорилъ о воспитаніи и образованіи юношества. И въ данномъ случаѣ, имѣя подъ руками весьма солидный матеріалъ, онъ не отдѣляется поверхностными, шаблонными фразами, а всюду является знатокомъ своего дѣла (289—334). Въ шестой главѣ авторъ ведетъ рѣчь о социальныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ Платона и объ отношеніи его къ Императрицѣ (334—366). Въ седьмой излагаетъ взглядъ Платона на отношеніе къ иновѣрцамъ. Здѣсь авторъ необыкновенно кратокъ (366—376). Въ восьмой обозрѣваетъ рѣчи м. Платона (376—384). Въ девятой чужія проповѣди, произнесенныя Платономъ (384—390). Въ десятой даетъ характеристику проповѣдничества м. Платона съ внѣшней и внутренней стороны (390—432). Въ одиннадцатой излагаетъ гомилетическую теорію м. Платона (432—498).

Къ числу достоинствъ разсматриваемаго сочиненія нужно несомнѣнно отнести то, что авторъ проштудировалъ всѣ сочиненія м. Платона самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ извлекъ изъ нихъ почти все, что только можно изъ нихъ извлечь. Въ этомъ отношеніи его работа лучше нѣкоторыхъ печатныхъ, хотя бы даже и специальныхъ изслѣдованій о проповѣдничествѣ Платона, такъ какъ авторы этихъ изслѣдованій не дали себѣ труда прочесть страницу за страницей всѣ сочиненія м. Платона. Вотъ почему авторъ часто не только не стоитъ отъ нихъ въ зависимости, а иногда и пополняетъ еще ихъ (343 сл.). Иностранныхъ словъ въ сочиненіи почти не встрѣчается (41. 59. 64. 176 и др.), языкъ за немногими исключеніями (58. 102—103. 168. 272. 356) правильный, литературный. Доброе впечатлѣніе, выносимое отъ чтенія разсматриваемаго сочиненія, нарушаетъ одинъ коренной его недостатокъ, проходящій почти черезъ все сочиненіе. Авторъ не выработалъ одного строго опредѣленнаго плана, котораго бы постоянно придерживался при анализѣ проповѣдей м. Платона. Много разъ авторъ принимается говорить о стилѣ проповѣдей м. Платона, методѣ раскрытія имъ главной мысли въ проповѣди, отношеніи

проповѣди къ дѣйствительности, о достоинствахъ и недостаткахъ проповѣдей и т. д. Между тѣмъ какъ весь этотъ матеріалъ автору слѣдовало бы выдѣлить изъ всѣхъ главъ, въ которыхъ онъ говоритъ о немъ, въ одну особую самостоятельную главу. Спутанно также излагаетъ онъ и характеристическія особенности проповѣдей м. Платона съ внѣшней и внутренней стороны (428 сл.). Связь второй главы съ третьей у автора чисто внѣшняя, случайная. На нѣкоторые вопросы даетъ слишкомъ краткіе и общіе отвѣты (366—376, 384—390 и др.). Не хорошо и то, что объ условіяхъ, среди которыхъ приходилось проповѣдывать м. Платону, принимается говорить также нѣсколько разъ, хотя бы лучше всего было собрать весь этотъ матеріалъ въ одной главѣ, каковая и есть въ его сочиненіи. Слѣдовало бы автору обратить большее вниманіе на свѣтскую литературу времени м. Платона. Жалѣю, что авторъ не сдѣлалъ перечня и обзора литературы, которой онъ пользовался при написаніи своего сочиненія. Хорошо было бы предварить ему свое сочиненіе хотя бы краткимъ предисловіемъ.

Степени кандидата богословія авторъ за свое сочиненіе заслуживаетъ вполне“.

26) Заслуженнаго ординарнаго профессора Григорія Воскресенскаго о сочиненіи студента *іеромонаха Платона*: „Законникъ царя Стефана Душана и его значеніе для изученія современнаго ему состоянія сербской Церкви“:

„Довольно обширное (330 стр.) сочиненіе о. Платона состоитъ изъ введенія, двухъ отдѣловъ изслѣдованія и заключенія. Первый отдѣлъ изслѣдованія заключаетъ въ себѣ четыре главы, а второй—двѣ главы.

Въ введеніи (стр. 5—51) предложена характеристика государственной жизни средневѣковой Европы въ ея отношеніи къ византійской имперіи и Сербіи, данъ краткій очеркъ эпохи Душана и намѣченъ планъ изслѣдованія. Государственное развитіе восточной римской имперіи въ общихъ чертахъ согласуется съ государственнымъ развитіемъ западной римской имперіи, государственная жизнь Сербіи есть не болѣе, какъ часть европейской исторіи,—таковы два основныхъ положенія, развиваемыхъ авторомъ въ введеніи. „Такой взглядъ,—говоритъ о. Платонъ,—имѣетъ важное методическое значеніе въ наукѣ. Онъ освобождаетъ ее отъ

униженнаго положенія и даетъ труженнику славянской науки силы разобратъся въ огромномъ матеріалѣ и деталяхъ, грозящихъ загрозоздитъ его. Только такое пониманіе славянской исторіи въ состояніи уничтожить ту неопредѣленность и неувѣренность, ту зависимость науки о славянствѣ отъ политическихъ желаній и страха, отъ минутнаго расположенія, отъ научныхъ направленій „en vogue“, отъ ежедневныхъ нуждъ, отъ недостатковъ, которые лишали ее объективнаго значенія. Наконецъ, только при такомъ пониманіи можно изъ обзорѣнія славянскихъ древностей, которыми интересуются только ученые люди, создать дисциплину, имѣющую и практическое значеніе“ (стр. 31—32). Выше (стр. 10) авторъ говоритъ: „въ виду различныхъ мнѣній объ эпохѣ Душановой, необходимо, для правдиваго и безпристрастнаго взгляда на дѣло, прежде всего установить точку зрѣнія, съ которой можно было бы разсматривать эпоху Душана, его Законникъ и всѣ, связанные съ нимъ и неразрѣшенные окончательно вопросы. Это, однако, не значить, что для своей работы мы считаемъ необходимымъ имѣть известную тенденцію, подъ которую послѣ нужно будетъ подводить факты, но нѣкоторыя стороны дѣла по своему существу таковы, что онѣ не могутъ быть поняты безъ предварительныхъ общихъ положеній“. При выработкѣ и обоснованіи вышеприведенныхъ двухъ положеній авторъ напрасно не принялъ во вниманіе мнѣнія ученыхъ, доказывавшихъ разнь и даже противоположность идеаловъ и стремленій романо-германскаго міра съ одной стороны и греко-славянскаго съ другой. Тогда быть можетъ въ византійской культурѣ авторъ усмотрѣлъ бы болѣе значительную долю вліянія на государственную и культурную жизнь славянской страны—Сербіи. Тирада же автора о важномъ методологическомъ значеніи приводимаго имъ взгляда не представляется намъ ясною и убѣдительною. Что касается до плана изслѣдованія, то о. Платонъ рѣшилъ остановить свое вниманіе только на самыхъ важныхъ, спорныхъ и притомъ менѣе всего разработанныхъ въ наукѣ сторонахъ дѣла. Это вопросы а) о Законникѣ, какъ литературномъ произведеніи и б) о Законникѣ, какъ церковно-историческомъ памятникѣ (I и II отдѣлы).

Первая глава I отдѣла (стр. 55—79) содержитъ историческій очеркъ изданій Законника и попытокъ къ его объясне-

нію. Глава вторая (79—91) указывает источники Законника, глава третья (93—134) частью говоритъ объ отношеніи Законника къ византійскимъ юридическимъ сборникамъ. Глава четвертая (135—207) предлагаетъ историческій очеркъ попытокъ опредѣлить систему Законника и его характеръ. По взгляду самого о. Платона, Законникъ Душана есть конституціонный кодексъ общественно-юридическаго характера, государственный уставъ, регулирующий сербское средневѣковое государство. Первая и основная группа опредѣленій Законника касается церкви, ея устройства и церковныхъ привилегій. Вторая группа опредѣленій Законника касается властелей и ихъ привилегій. Третью группу опредѣленій образуютъ статьи, относящіяся къ урегулированію отношеній непривилегированныхъ классовъ, въ особенности зависимыхъ людей. Четвертая обширная группа опредѣленій—разнообразнаго состава, что авторъ объясняетъ тѣмъ, что опредѣленія этой группы вызывались жизнью царства во время написанія Законника... Особенность системы Законника, это—классификація опредѣленій не по объектамъ права, а по его субъектамъ, классамъ общества. Въ заключеніи этой обширной и обстоятельной главы авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о дальнѣйшей судьбѣ Душанова Законника и объ измѣненіи въ его первоначальномъ характерѣ,—измѣненіи, совершившемся въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ.

Въ началѣ втораго отдѣла (211—234) авторъ говоритъ о значеніи Законника въ наукѣ вообще, для опредѣленія народной жизни сербовъ, ихъ права, языка, государственной и гражданской жизни, и личности Душана, и въ частности о значеніи Законника для сербской церковной исторіи, для характеристики церковнаго устройства Сербіи. Изъ правилъ и опредѣленій Законника одни направлены были къ улучшенію церковно-общественной жизни въ Сербіи, а другія снабжали духовенство разнообразными привилегіями, какъ условіями болѣе энергичной и плодотворной дѣятельности. Сообразно съ симъ въ первой главѣ II отдѣла (234—292) говорится о недостаткахъ церковно-общественной жизни въ Сербіи XIV вѣка на основаніи показаній Законника (то были: неурядицы семейной жизни, недостатки въ организаціи церковнаго суда, вѣроисповѣдныя броженія, вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ дѣла духовенства, недостатки

блага и монашествующаго духовенства, общественныя суеты и предрасудки) и въ главѣ второй (293—318)—о государственныхъ привилегіяхъ, присвоенныхъ Законникомъ церкви, каковы: церковная автокефальность, свобода церкви отъ общегосударственныхъ работъ и повинностей, неподсудность церковныхъ людей свѣтскимъ властямъ, личная неприкосновенность священнослужителей, права собственности, опредѣленія о доходахъ и вообще объ источникахъ содержанія духовенства.—Въ заключеніи (318—330) авторъ, подводя итоги изслѣдованія, признаетъ исключительное значеніе Законника „этого рѣдкаго и самаго драгоценнаго документа прошедшей эпохи“ для исторіи сербской церкви и права въ его отношеніи къ византійскому праву и для характеристики нравственнаго и религіознаго состоянія сербскаго общества того времени.

Какъ видно изъ представленнаго очерка содержанія, сочиненіе о. Платона представляетъ обстоятельное изслѣдованіе, обнимающее всѣ намѣченныя авторомъ стороны предмета. Авторъ обнаружилъ основательное знакомство съ обширною литературою своего предмета и умѣнье разбираться въ сложномъ содержаніи такихъ памятниковъ, какъ юридическіе сборники. Сочиненіе написано правильнымъ литературнымъ русскимъ языкомъ. Въ общемъ выдержано и русское правописаніе. Самыя отступленія въ орфографіи, понятныя и извинительныя для автора-сербя, любопытны, потому что предполагаютъ свою, хотя и неправильно понятую, систему. Чаше всего авторъ неправильно ставитъ одно н вм. нн въ прилагательныхъ и причастныхъ полныхъ формахъ (данаго 144; сказаиаго 154; неограниченной 298 и т. д.), а также въ существительныхъ отглагольныхъ (причинность 143; обязаность 174, 296, 301, 312; опредѣленность 247; возвышенность 323 и т. д.), и обратно два н въ такихъ словахъ, какъ собранно 15; ученнаго 136, 137, 154, 159; удѣленно было 243 и т. д. Авторъ пишетъ: отсутствіе 135, 139, 153; присутвіи 253; богатствомъ 272. На стр. 101-й одинъ списокъ Законника названъ „сручскимъ“ (должно быть „стружскій“,—найдень пок. проф. В. И. Григоровичемъ въ Стругѣ, близъ Охридскаго озера, въ Македоніи).

Для полученія степени кандидата богословія признаю сочиненіе о. Платона удовлетворительнымъ“.

27) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Покровскаго Василия*: „О погребальныхъ обрядахъ въ древней Руси по письменнымъ извѣстіямъ“:

„Задача труда заключалась въ томъ, чтобы, собравъ по возможности полно письменныя извѣстія о древне-русскихъ погребальныхъ обрядахъ и составивъ о нихъ представленіе, выдѣлить изъ погребальной обрядности два элемента—языческой и христіанской и прослѣдить ихъ взаимоотношеніе въ разные вѣка исторіи. Но всей этой задачи авторъ не выполнилъ. Онъ только описываетъ разныя стороны древнерусскаго погребальнаго ритуала безъ всякой попытки указать процессъ его измѣненія подъ христіанскимъ вліяніемъ. Кромѣ того и матеріаломъ, который представляютъ наши древніе источники по данному вопросу, авторъ воспользовался не полно, наприм. древнѣйшія лѣтописи представляютъ значительно больше данныхъ, чѣмъ сколько находимъ ихъ въ сочиненіи г. Покровскаго. Автору присуща не похвальная манера обращаться съ своими пособіями—скудная, а подъ часъ и недобросовѣстная цитація. Незамѣтно опрятности и во внѣшней сторонѣ сочиненія: во многихъ мѣстахъ находятся пропуски или описки, которые затемняютъ или искажаютъ смыслъ да неузнаваемости.

Но принимая въ расчетъ разбросанность матеріала и недостатокъ прямыхъ пособій по вопросу, слѣдуетъ признать, что авторъ потрудился достаточно. Нѣкоторые отдѣлы онъ изложилъ занимательно и живо. Его можно упрекать въ пропускахъ, но нельзя сказать, чтобы были въ его работѣ лишніе отдѣлы, ненужныя разсужденія, или растянутасть въ изложеніи. Небольшое сочиненіе его (257 стр.) все представляетъ прямой отвѣтъ на вопросъ.

Въ общемъ сочиненіе удовлетворительно“.

28) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василия Ключевскаго о сочиненіи студента *Покровскаго Михаила*: „Литературныя защитники православія въ юго-западной Россіи въ XVI в.“:

„Изобразивъ положеніе православія въ юго-западной Россіи XVI в. и потомъ сдѣлавъ краткій критико-библиографическій обзоръ юго-западныхъ православно-полемическихъ сочиненій того времени, авторъ подробно изложилъ и разобралъ богословскіе взгляды православныхъ полемистовъ.

Это наиболѣе обширный и важный отдѣлъ его сочиненія. Авторъ обнаружилъ въ своемъ трудѣ довольно полное и основательное знакомство какъ съ памятниками православной западно-русской полемики XVI в., такъ и съ ученой русско-исторической литературой по этому предмету. Не углубляясь въ причины и подробности реллигiозныхъ движенiй въ западной Руси того вѣка, онъ въ обстоятельномъ систематическомъ обзорѣ изложилъ и разобралъ воззрѣнiя православныхъ полемистовъ какъ на догматическое содержанiе, такъ и на обрядовую сторону христіанства, а въ концѣ подводя итоги написанному, отчетливо, хотя и кратко отмѣтилъ условiя и ходъ православной полемики, заслуги и недостатки апологетовъ православiя. Потому сочиненiе М. Покровскаго можетъ быть признано весьма удовлетворительнымъ“.

29) Экстраординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненiи студента *Покровскаго Сергѣя*: „Христіанская любовь и альтруизмъ“:

„Сочиненiе г. Покровскаго написано послѣ достаточнаго ознакомленiя съ литературою вопроса, однако такъ, что выдѣляющимся его никакъ нельзя признать. Главный недостатокъ его не въ томъ состоитъ, что оно сравнительно кратко (270 стр. разгонистаго письма),—это, напротивъ, при большей содержательности и лучшей формальной обработкѣ, слѣдовало бы признать его рѣшительнымъ достоинствомъ,—но въ томъ, что автору совсѣмъ не удалось уловить сущность различiя между христіанскою любовью и сходнымъ по внѣшности, но глубоко различнымъ по существу, принципомъ выросшаго на внѣхристіанской почвѣ альтруизма. Между альтруизмомъ и христіанскою любовью различiе ясное, потому-что принципиальное: альтруизмъ есть, въ сущности, лишь удвоенiе, утроенiе, вообще умноженiе нашего эгоизма, который въ альтруизмѣ, сдѣлавъ извѣстный оборотъ чрезъ другихъ, всегда возвращается къ себѣ. Напротивъ, христіанская любовь, правильно понятая и введенная въ норму христіанскаго нравственнаго закона, есть отказъ отъ эгоизма, самоотреченiе, безъ возврата къ себѣ и своему эгоизму. Авторъ, къ сожалѣнiю, этого различiя не созналъ со всею отчетливостью и точно не выразилъ. Онъ бродитъ въ своемъ сочиненiи около желательнаго рѣшенiя вопроса, скользя по

его поверхности и закрываясь общими мѣстами. Объ этомъ приходится очень пожалѣть, потому что обширныя литературныя справки, вслѣдствіе этого, остаются лишь простымъ доказательствомъ трудолюбія и внимательности автора, но не болѣе. Было бы однако несправедливо не цѣнить по достоинству этихъ послѣднихъ свойствъ, проявленныхъ въ сочиненіи. Притомъ литературная сторона сочиненія очень удовлетворительна. Стилъ, правда, не вездѣ ровень, но въ общемъ гладокъ и правиленъ. Нѣкоторыя страницы написаны тонко и свидѣтельствуютъ о вдумчивости и развитости автора. Принимая во вниманіе все эти свойства сочиненія г. Покровскаго, нахожу возможнымъ, не смотря на отмѣченное выше несовершенство работы, признать автора достойнымъ степени кандидата богословія“.

30) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Поспѣлова Николая*: „Св. Тихонъ Задонскій, какъ проповѣдникъ“:

„Имя святителя Тихона Задонскаго пользуется въ русской литературѣ вполне заслуженной, широкой извѣстностью. Его творенія, полныя глубокаго пониманія христіанства, замѣчательнаго психологическаго раскрытія и освѣщенія христіанскихъ истинъ, привлекали издавна вниманіе многихъ. Ихъ изучали и ими пользовались люди ученые и малокнижные. Даже наши сектанты съ великою любовію читали эти творенія и во множествѣ перелечатывали изъ нихъ тѣ статьи и части, въ которыхъ особенно шла рѣчь о духовномъ христіанствѣ. Творенія святителя Тихона изучались съ различныхъ точекъ зрѣнія,—догматической, аскетической, пасторологической, правоучительной. Писали о немъ и какъ о проповѣдникѣ. Но до настоящаго времени не было о немъ почти ни одного труда, спеціально посвященнаго раскрытію его проповѣднической дѣятельности. Его проповѣдническая дѣятельность изучалась большею частію на ряду съ другими сторонами пастырства. Восполнить этотъ пробѣлъ, нарисовать цѣлостную, живую картину проповѣдничества святителя Тихона и взялъ на себя трудъ авторъ въ сочиненіи, заглавіе котораго мы привели выше. Сочиненіе г. Поспѣлова состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Во введеніи авторъ опредѣляетъ методъ, планъ, задачи своего изслѣдованія, указываетъ источники и пособія по данному вопросу, дѣ-

лаеть оцѣнку ихъ, старается обосновать, оправдать тѣ части своего сочиненія, значимость которыхъ въ подобномъ сочиненіи можетъ оспариваться. Такова, наприм., первая глава, гдѣ авторъ предлагаетъ біографію св. Тихона. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія о св. Тихонѣ, рассказываетъ о служеніи его въ должности учителя, префекта, ректора семинаріи, въ званіи викарія Новгородскаго архіепископа и самостоятельнаго епископа Воронежскаго. Отмѣчая различныя стороны пастырской дѣятельности св. Тихона, онъ сообщаетъ весьма цѣнныя свѣдѣнія о его взглядахъ на дѣло церковнаго учительства, говоритъ о его неутомимыхъ заботахъ пріучить священниковъ къ неопустительному проповѣданію слова Божія. Св. Тихонъ самъ проповѣдуетъ почти постоянно, посылаетъ „окружное посланіе духовенству“, циркуляры, увѣщавая духовенство проповѣдовать „по заамвонной молитвѣ на литургіи каждый воскресный и праздничный день“ (54—55 стр.). Нерадивые пастыри за неисполненіе этого предписанія на первый разъ подвергались денежному штрафу, на второй—лишенію мѣста, на третій—даже запрещенію священнослуженія (56 стр.). Св. Тихонъ указываетъ пастырямъ, что читать народу для его назиданія, разсылаетъ по епархіи особыя книжки, которыя составляетъ самъ, старается научить пастырей предлагать поученія катехизически, пишетъ по этому поводу особую инструкцію, открываетъ въ соборѣ катехизическія бесѣды. Народъ неохотно посѣщаетъ послѣднія, святитель выступаетъ съ обличительной проповѣдью на нерадивыхъ, убѣждая, что каждому надо познать, „въ чемъ состоитъ званіе христіанское и сила закона Божія“. Онъ приходитъ на помощь пастырямъ, до сихъ поръ безуспѣшно боровшимся съ дикимъ разгуломъ народа на масляницу и съ грубыми, полными мрачныхъ картинъ торжествами въ честь Ярилы. Тамъ и здѣсь святитель дѣйствовалъ словомъ. Онъ проповѣдуетъ не только въ церкви, но и является на площадь, прямо въ толпу безчинствовавшего народа, произноситъ здѣсь обличительную рѣчь и производитъ такое впечатлѣніе на всѣхъ, что люди тутъ же на его глазахъ не только прекращаютъ свои игрища, но и разрушаютъ всѣ торговые и игрищныя балаганы. Мало того, въ слѣдующій воскресный день онъ назначаетъ всеобщее соб-

раніе жителей Воронежа и произноситъ новое, полное силы и одушевленія слово. Жители раскаялись и навсегда прекратили свои празднества въ честь Ярилы. Святитель обличаетъ расточительность богатыхъ классовъ и жестокость ихъ въ отношеніи къ податному сословію, говоритъ о различныхъ вечерахъ, банкетахъ, играхъ въ карты, о нечестныхъ продавцахъ, ростовщикахъ, сильныхъ властелинахъ, мздоимныхъ судьяхъ, лихоимныхъ чиновникахъ, неправедныхъ казначеяхъ, старается возвратитъ въ Церковь отпадшихъ ея членовъ раскольниковъ и сектантовъ. „Почти всегда до полуночи онъ упражняется въ составленіи поученій, наставленій и увѣщаній своему духовенству“. Наконецъ, авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни святителя въ Задонскомъ монастырѣ, о широкомъ и глубокомъ вліяніи его на людей, начиная отъ высокопоставленнаго и кончая послѣднимъ простолудиномъ.

Во второмъ отдѣлѣ авторъ говоритъ исключительно о проповѣдничествѣ св. Тихона. Это—большій отдѣлъ въ сочиненіи автора; онъ распадается на нѣсколько главъ. Въ первой главѣ этого второго отдѣла г. Поспѣловъ опредѣляетъ число проповѣдей св. Тихона, сохранившихся до нашего времени, указываетъ ихъ изданія, порядокъ размѣщенія въ различныхъ сборникахъ, перепечатки ихъ въ различныхъ духовныхъ журналахъ, изданіе отдѣльными листочками и т. п. Во второй главѣ отмѣчаетъ характеристическія особенности проповѣдничества святителя. По мнѣнію автора, о проповѣдяхъ св. Тихона нельзя сказать, чтобы онѣ были публицистическаго характера. Правда, св. Тихонъ не относится безучастно къ запросамъ кипучей, неустойчивой жизни людей 18 в., но онъ и не посвящаетъ злѣбъ дня исключительнаго своего вниманія. „Его творенія служатъ не мимолетнымъ зтобамъ дня, а вѣчнымъ идеаламъ духа“ (146 стр.). Далѣе авторъ указываетъ другія характеристическія особенности проповѣдничества св. Тихона. Главная отличительная черта ихъ—это ихъ нравоучительный характеръ (167 стр.). Въ третьей главѣ дѣлаетъ самый подробный анализъ его проповѣдей. Авторъ изучилъ самымъ тщательнымъ образомъ каждую проповѣдь святителя. Здѣсь мы встрѣчаемъ не мало выдержекъ изъ проповѣдей, подобранныхъ весьма тщательно и умѣло. Въ четвертой главѣ авторъ говоритъ о

формѣ, раздѣленіи, языкѣ и т. п. проповѣдей св. Тихона. Проповѣди его отличаются необыкновенной простотой. Онѣ такъ удивительно счастливо приспособлены къ пониманію слушателей, что трудно найти человѣка, который не могъ бы ихъ понять (202 стр.). Въ заключеніи г. Поспѣловъ подводитъ итогъ своимъ изслѣдованіямъ.

На основаніи уже этого бѣглаго обзора разсматриваемаго труда, сочиненіе г. Поспѣлова можно было бы назвать очень хорошимъ, если бы оно было свободно отъ слѣдующихъ недостатковъ. Авторъ напрасно говоритъ, что проповѣди св. Тихона „не отличаются ни особенною глубиною мысли, ни оригинальностью взглядовъ“. (3 стр.). Не говорю о томъ, что проповѣдническіе труды святителя такъ своеобразны, что ихъ никогда нельзя смѣшать ни съ какими проповѣдническими трудами и никогда нельзя забыть. Самъ авторъ во всемъ своемъ сочиненіи какъ бы задался мыслию опровергать самого себя. Онѣ говоритъ объ отличительныхъ чертахъ его проповѣдей, выдѣляющихъ замѣтно его изъ ряда другихъ проповѣдниковъ, приводитъ взгляды на его проповѣдничество ученыхъ русскихъ богослововъ, которые ставятъ его даже выше „нѣметчины“ и т. д. У автора нѣтъ главъ, специально посвященныхъ раскрытію вопросовъ о вліяніи св. Тихона на современное ему общество, послѣдующихъ проповѣдниковъ, объ отношеніи его къ предшествующимъ проповѣдникамъ. Ничего не говоритъ онѣ объ отношеніи его къ Іоанну Арндту и къ русской богословской литературѣ его времени. Говоря о современности проповѣди, авторъ несправедливо старается доказать, что святитель не былъ почти современнымъ проповѣдникомъ (154 сл.). Не проповѣдовать въ бѣдномъ и почти убогомъ въ то время Воронежѣ о вольтерьянствѣ, деизмѣ и т. п. вовсе не значитъ быть не современнымъ проповѣдникомъ. Если кто, то Задонскій проповѣдникъ не былъ проповѣдникомъ отвлеченныхъ истинъ, не связанныхъ ни съ небомъ, ни съ землею. Въ томъ и заключается его великое и непреодолимое обаяніе, продолжающееся даже до настоящаго времени, что онѣ говорилъ на темы, близкія душѣ каждаго человѣка. Пзлагая біографическія свѣдѣнія, авторъ опускаетъ изъ вида тотъ матеріалъ, который долженъ бы былъ имѣть для него преимущественное значеніе или пускается въ такіа

подробности, которыя къ его задачѣ имѣють мало отношенія. Говорить о консисторскомъ дѣлопроизводствѣ, брачныхъ и судебныхъ дѣлахъ, о церковномъ благолѣпін и т. д. Не обращаетъ вниманія на устные и письменныя бесѣды—наставленія святителя, а онѣ, по словамъ самого же автора, оказывали большое вліяніе на многихъ (112 стр.). Не довольно ясно и удачно опредѣляетъ характеристическія особенности проповѣдей св. Тихона, не всегда связываетъ части своего изслѣдованія внутреннею, органическою связью (161 сл.). Предлагая анализъ его проповѣдей, онѣ мало останавливается на внутренней, психологической сторонѣ ихъ. Не достаточно сказать, о чемъ проповѣдовалъ пастырь, но необходимо еще показать, какъ онѣ доводилъ своихъ слушателей до усвоенія той или другой христіанской истины (178 сл.). Ссылается по мѣстамъ на второстепенные источники (149), повторяется (54. 129 и др.), неумѣло пользуется матеріаломъ (137), пользуется устарѣлыми изданіями. Встрѣчаются въ его трудѣ и стилистическія шереховатости (1. 5. 9. 22. 53. 61. 112. 119. 124. 139. 190. 212 и др.), ошибочки (8. 11. 29. 37. 38. 44. 53. 85. и др.), неологизмы (132. 133. 135. 136).

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

31) Исправляющаго должность доцента Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Постникова Петра*: „Александръ Васильевичъ Горскій, какъ историкъ русской церкви“:

„Сочиненіе г. Постникова не подходитъ къ обыкновенному типу студенческихъ работъ, представляемыхъ на степень кандидата богословія: это изслѣдованіе на основаніи архивнаго матеріала, которое въ нѣкоторыхъ существенныхъ частяхъ своихъ недоступно для провѣрки въ настоящемъ случаѣ. Авторъ изучилъ обширный архивъ Горскаго и архивъ Невоструева въ библіотекѣ нашей Академіи, гдѣ нашелъ курсы лекцій по исторіи русской церкви, научную переписку и другія бумаги, касающіяся біографіи и научныхъ трудовъ А. В-ча; пересмотрѣлъ онѣ бумаги, оставшіяся отъ описанія рукописей Московской Синодальной библіотеки въ этой послѣдней; пользовался курсомъ лекцій изъ библіотеки Ундольскаго. Несомнѣнно все это стоило автору большого труда и напряженія и должно быть поставлено ему въ главную заслугу.

Результатомъ такой работы является вполне самостоятельное обзорѣніе научной дѣятельности А. В. Горскаго въ одномъ отдѣлѣ—по исторіи русской церкви. Нѣкоторыя главы сочиненія характеризуютъ покойнаго ученаго съ неизвѣстной или по крайней мѣрѣ основательно забытой стороны. Такова напр. глава о профессорской дѣятельности Горскаго, написанная на основаніи изслѣдованія разновременныхъ курсовъ лекцій (къ сожалѣнію не полныхъ),—она рисуетъ постепенный научный ростъ знаменитаго профессора. Другіе отдѣлы дополняютъ и исправляютъ существующія сужденія и свѣдѣнія объ А. В.-чѣ. Таковъ обстоятельный отдѣлъ объ Описаніи рукописей Синодальной бібліотеки, составленный на основаніи обширной переписки Горскаго съ Невоструевымъ и подробнаго изученія тетрадей описанія. Здѣсь непрерываемо рѣшается споръ, поднятый давно въ литературѣ, кто больше сдѣлалъ для знаменитаго труда—Горскій или Невоструевъ, и каждому указывается свое мѣсто и значеніе. Кромѣ того авторъ изучилъ тѣ части Описанія, которыя не попали въ печать и отчасти не были окончены (собственноручные листки Горскаго съ описаніемъ рукописей). Эти свѣдѣнія несомнѣнно пригодятся для руководства тѣхъ ученыхъ, которымъ суждено рано или поздно продолжать дѣло Горскаго и Невоструева. Въ другихъ отдѣлахъ встрѣчаются данныя, до сихъ поръ неизвѣстныя въ печати и любопытныя для эпохи и личности Горскаго.

Сочиненіе г. Постникова обширно на рѣдкость (LIV+1075+XXVIII) и въ этомъ слѣдуетъ видѣть условіе нѣкоторыхъ его недостатковъ, наприм. того, что оно не обработано въ литературномъ смыслѣ—не чуждо повтореній и растянутости. И понятно: нѣтъ никакой возможности тщательно отдѣлать работу около 150 писаныхъ или 30 печатныхъ листовъ, для написанія которыхъ дается 8 мѣсяцевъ. Но и самую обширность сочиненія надо признать отчасти его недостаткомъ, потому что она явилась слѣдствіемъ слишкомъ почтительнаго отношенія къ источникамъ и пособіямъ. Конечно для автора было вполне естественно и даже необходимо выписывать цѣликомъ тѣ данныя, которыя онъ извлекъ изъ неизданныхъ бумагъ, но въ значительной степени излишне повторять извѣстное въ печати и иногда недостаточно цѣнное въ смыслѣ фактичности. Авторъ оче-

видно стоитъ подъ обаяніемъ крупной личности, составляющей предметъ его изслѣдованія, и охотно пользуется источниками, соответствующими его настроенію — некрологами, воспоминаніями, рѣчами. Но эти источники такого рода, что съ ними надо обращаться крайне осторожно при научномъ изслѣдованіи, которымъ при научной работѣ не слѣдуетъ подчиняться въ тонѣ и манерѣ изложенія изъ опасенія наскучить читателю. У автора указаны факты краснорѣчивѣ словъ и они были бы совершенно достаточны.

Но приведенные недочеты нельзя считать существенными. И при нихъ сочиненіе г. Постникова представляетъ собой цѣнное изслѣдованіе по исторіи русской церковно-исторической науки за только что истекшее столѣтіе и заслуживаетъ похвалы“.

32) Экстраординарнаго профессора Александра Шостынина о сочиненіи студента *Романова Виктора*: „Идеаль нравственнаго воспитанія по мыслямъ Пирогова и Ушинскаго“:

„Названное сочиненіе заключаетъ въ себѣ предисловіе и три главы изслѣдованія. Въ предисловіи (1—16 стр.) авторъ разъясняетъ задачу своей работы и дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ источникахъ и пособіяхъ для нея. По первому пункту онъ заявляетъ: „Судя по точному заглавію темы, можно было думать, что задача сочиненія должна состоять въ изложеніи мыслей Пирогова и Ушинскаго относительно послѣдней цѣли или идеала нравственнаго воспитанія. Но такое пониманіе задачи сочиненія показалось намъ узкимъ и неправильнымъ.... Мы считали необходимымъ изложить воззрѣнія Пирогова и Ушинскаго сначала на цѣль и задачи нравственнаго воспитанія, затѣмъ—на средства и способы нравственнаго воспитанія, осуществляющіе эту цѣль и эти задачи“ (стр. 1—3).—Естественно, что при такомъ пониманіи темы авторъ имѣлъ основаніе и поводъ изложить педагогическія воззрѣнія Пирогова и Ушинскаго во всей ихъ цѣлости. Это изложеніе мы и находимъ въ главахъ второй (стр. 67—240: воззрѣнія Пирогова) и третьей (стр. 241—388: воззрѣнія Ушинскаго).

Что касается главы первой (стр. 17 — 66), которую авторъ называетъ еще „введеніемъ“, то въ ней дается краткая характеристика преобразовательнаго движенія 50—60-хъ годовъ вообще и педагогическаго движенія въ частности, при

чемъ описывается состояніе школъ и всего дѣла воспитанія въ до-реформенную эпоху.

Изложеніе педагогическихъ воззрѣній Пирогова и Ушинскаго сдѣлано авторомъ съ замѣтнымъ стараніемъ: полно, отчетливо и правильно. Это—лучшая часть сочиненія, въ которой авторъ обнаружилъ и достаточное развитіе, и не малый трудъ: внимательно изучивъ воззрѣнія названныхъ педагоговъ, онъ сумѣлъ выдѣлить въ нихъ наиболѣе важное и характерное, а по мѣстамъ далъ и надлежащую оцѣнку ихъ.

Для степени кандидата богословія разсматриваемое сочиненіе можетъ быть признано достаточнымъ“.

33) Экстраординарнаго профессора Анатолія Спасскаго о сочиненіи студента *Саригіани Евангела*: „Отношенія турецкаго правительства къ правамъ и преимуществамъ константинопольскаго патріарха“:

„Когда въ октябрѣ 1890 года, — начинается г. Саригіани свое сочиненіе,—телеграфъ оповѣстилъ міру о неслыханномъ фактѣ закрытія церкви въ константинопольскомъ патріархатѣ, не только иновѣрцы, но и самъ православный греческій народъ не зналъ хорошо, въ чемъ тутъ дѣло.... и въ то время какъ послѣдній довѣрчиво подчинился своимъ духовнымъ пастырямъ, ожидая, чѣмъ все это кончится, европейскіе публицисты не постѣснились объявить все это какъ *querelle des prêtres*, предсказывая скорое и неблагопріятное рѣшеніе.... Легкомысліе европейцевъ объясняется только полнѣйшимъ незнаніемъ того животрепещущаго вопроса, который послужилъ причиной интердикта.... Но не только инославные, но и большинство православнаго греческаго народа не сознавало ясно всей важности тѣхъ правъ и преимуществъ, обладаніе которыми оспаривало турецкое правительство“ (Предисл. I—II стр.).

Дѣйствительно, вопросъ о правахъ и привилегіяхъ является самымъ жгучимъ вопросомъ въ современной жизни константинопольскаго патріархата, обусловливающимъ всѣ тѣ нестроенія, которыя такъ поражаютъ незнакомаго съ дѣломъ наблюдателя исторіи его за послѣднія десятилѣтія. Выяснить этотъ вопросъ въ его историческихъ и юридическихъ основахъ и обслѣдовать его исторію за истекшее XIX столѣтіе, когда онъ вступилъ въ новый фазисъ сво-

его развитія,—это и составляет задачу сочиненія г. Саригіани.

Не передавая подробно содержанія сочиненія, которое самимъ авторомъ воспроизведено на III—VI стр. предисловія, укажемъ лишь главные его пункты. Такъ какъ права и привилегіи, являющіяся теперь предметомъ спора между турецкимъ правительствомъ и патріархіей, дарованы были послѣдней еще первымъ завоевателемъ Константинополя Магометомъ II, то авторъ предпосылаетъ своему сочиненію довольно большое введеніе (1—84), въ которомъ указываетъ основы и историческое происхожденіе этихъ правъ, перечисляетъ самыя права, какъ они были дарованы Магометомъ, и кратко характеризуетъ отношеніе преемниковъ Магомета къ патріархіи и греческой церкви за XVII и XVIII вѣка. Это введеніе необходимо было потому, что положеніе греческой церкви въ турецкой имперіи за всю первую половину XIX вѣка оставалось въ томъ видѣ, какъ оно сложилось еще при Магометѣ. Первая глава и занимается разсмотрѣніемъ фактовъ, въ какихъ выразились отношенія турецкаго правительства къ патріархіи до Крымской войны (85—180). Отличительной чертой этого періода является то, что хотя права и привилегіи патріархата за все это время и остаются въ принципѣ неприкосновенными, однако фактическое его положеніе опредѣляется уже не личными расположеніями одного турецкаго правительства, но и обще-европейскими политическими интересами, входящими въ составъ такъ называемаго восточнаго вопроса. Крымская война открываетъ новый фазисъ въ *modus vivendi* константинопольскаго патріархата подѣ турецкимъ владычествомъ: реформы въ своемъ внутреннемъ строѣ, какими обязалась Турція предѣ Вѣнскимъ конгрессомъ, повлекли за собой соотвѣтствующія реформы и въ организаціи патріархаго управленія, обзору которыхъ, въ связи съ отношеніемъ ихъ къ привилегіямъ, посвящена вторая глава сочиненія Саригіани (181—275). Третья глава разсматриваетъ положеніе патріархін, созданное русско-турецкой войной и Берлинскимъ конгрессомъ. Хотя въ принципѣ права и привилегіи патріархін и теперь остаются неприкосновенными, однако на практикѣ политика въ отношеніи къ церкви, принятая современнымъ турецкимъ правительствомъ подѣ вліяніемъ Бер-

линскаго конгресса, повлекла за собой посягательства на нѣкоторыя преимущества, которыми церковь владѣла искони. Авторъ описываетъ столкновенія турецкаго правительства съ патріархіей при Іоакимѣ III, Іоакимѣ IV и Діонисіи V и свое сочиненіе кончаетъ разборомъ основаній, приводимыхъ Турціей въ пользу предпринимаемыхъ ею нарушеній патріаршихъ привиллегій (275—431).

Своимъ содержаніемъ сочиненіе г. Саригіани вполне отвѣчаетъ своей задачѣ. Не смотря на сложность вопроса, тѣсно связаннаго съ обще-европейскими политическими стремленіями и внутреннимъ кризисомъ, переживаемымъ Турціей, авторъ сумѣлъ хорошо ознакомиться со всѣми его подробностями и рисуетъ полную и живую картину труднаго положенія патріархіи, особенно за вторую половину XIX вѣка, въ измѣняющихся условіяхъ существованія турецкой имперіи. Правда, какого либо новаго матеріала, извлеченнаго напр. изъ архивовъ, сочиненіе не даетъ, оно имѣетъ дѣло съ общезвѣстными фактами, но свѣдѣнія объ этихъ фактахъ основываетъ на проверенныхъ документахъ и на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, большею частью греческихъ, не пользующихся большою распространенностью, и потому напр. въ существующую русскую литературу по его вопросу оно вноситъ нѣкоторыя немаловажныя поправки (см. напр. стр. 232, примѣч.). Преимущественный интересъ оно пріобрѣтаетъ въ своей послѣдней главѣ, гдѣ авторъ общедоступныя свѣдѣнія нѣсколько пополняетъ разказами одного участника событій. Вообще же сочиненіе отличается полнотой матеріала и надлежащей его обработкой, и написано не безъ нѣкоторой доли увлеченія.

Недостаткомъ сочиненія является его односторонне-радикальная точка зрѣнія. Авторъ—грекъ, всей душой стоящій за неприкосновенность патріаршихъ привиллегій. Для него положеніе греческой церкви въ турецкой имперіи, установленное Магометомъ II, есть нѣчто непреложное во всѣхъ своихъ деталяхъ. Церковь есть *status in statu*, и имѣетъ одинаковыя права съ государствомъ. Поэтому, онъ не только оправдываетъ всѣ столкновенія патріархіи съ правительствомъ, но и видитъ въ этомъ героизмъ греческой іерархіи. Ни мало не ставя ему этого въ упрекъ, а скорѣе вмѣняя въ похвалу, мы не можемъ не отмѣтить той односторонности, какую по-

влекла за собой эта точка зрѣнія. Такъ, даже въ тѣхъ дѣйствіяхъ турецкаго правительства, которыя направлены къ очевидному благу государства, онъ часто не хочетъ ничего видѣть, кромѣ коварства, фанатизма и прикровеннаго желанія если не совсѣмъ истребить, то принизить и сдavitъ христіанство.

Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

34) Экстраординарнаго профессора Ивана Попова о сочиненіи студента *Титова Михаила*: „Нравственное ученіе св. Василія Великаго“:

„Довольно обширное сочиненіе г. Титова распадается на двѣ неравныхъ части: введеніе и самое изслѣдованіе. Во введеніи авторъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія о св. Василіи Великомъ и дѣлаетъ краткое обзорѣніе его сочиненій. Въ главной части сочиненія онъ излагаетъ нравственное ученіе Василія Великаго въ слѣдующемъ порядкѣ: источники нравоученія (гл. I), ученіе о человѣкѣ (гл. II), о страстяхъ (гл. III), о свободѣ воли (гл. IV), о благѣ (гл. V), о добродѣтели (гл. VI) и о грѣхѣ (гл. VII).

Это краткое перечисленіе предметовъ, которыхъ авторъ касается въ своемъ сочиненіи, показываетъ, что въ его изслѣдованіи о нравственномъ ученіи Василія Великаго есть пробѣлы и неполнота. Во первыхъ, въ немъ излагается только ученіе св. Василія объ основныхъ понятіяхъ этики, но оно вовсе не знакомитъ насъ съ нравственнымъ ученіемъ Василія Великаго по частнымъ вопросамъ нравственности—напр. о постѣ, бракѣ, войнѣ, клятвѣ. Во вторыхъ, и это гораздо важнѣе, авторъ не занялся вопросомъ о монашескихъ правилахъ Василія Великаго и не выяснилъ его значенія въ исторіи монашества. Между тѣмъ въ существующей литературѣ о Василіи Великомъ эта то сторона предмета и является наименѣе освѣщенной.

Сочиненіе г. Титова, не принимая во вниманіе его неполноты, отличается большими достоинствами. Во первыхъ, оно безукоризненно въ литературномъ отношеніи. Простота и естественность плана, точность и опредѣленность выраженія мысли, правильность и по мѣстамъ даже изящество изложенія — все это показываетъ, что авторъ хорошо владѣетъ перомъ и имѣетъ навыкъ къ литературному труду.

Переходя къ болѣе существенному, нельзя не отмѣтить трудолюбія автора и добросовѣстнаго изученія источника. Творенія Василія Великаго не только внимательно прочтены авторомъ, но и изучены. На каждой страницѣ бросается въ глаза стараніе автора хорошенько вдуматься въ изучаемый памятникъ, сопоставить между собою различныя мѣста его для полнаго выясненія нравственныхъ понятій, свойственныхъ Василю Великому, точнѣе понять текстъ его твореній при помощи сравненія русскаго перевода ихъ съ греческимъ подлинникомъ.

Изложеніе нравственнаго ученія св. Василія отличается правильностью и по мѣстамъ тонкимъ анализомъ понятій—свойствомъ, встрѣчающимся не часто. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе два отдѣла—изложеніе ученія Василія Великаго о составѣ человѣка и о высшемъ благѣ. Къ сожалѣнію другія главы составлены значительно слабѣе. Въ качествѣ примѣра можно указать на изложеніе ученія Василія Великаго о свободѣ воли. Ученіе о свободѣ воли въ патристической литературѣ тѣсно соприкасается съ ученіемъ Аристотеля. Свобода воли понимается многими церковными писателями въ смыслъ свободы выбора средствъ для достиженія цѣли, къ которой человѣкъ стремится необходимо. Человѣкъ не можетъ не желать для себя блаженства, но къ этой цѣли онъ можетъ идти различными путями: одинъ свободно избираетъ для себя наслажденія земныя, другой стремится къ благамъ небеснымъ. Такое понятіе о свободѣ воли вело къ признанію главною добродѣтелью знанія, такъ какъ переоцѣнка земныхъ благъ съ этой точки зрѣнія необходимо должна вести къ безразсудному и безнравственному поведенію. Патристическое ученіе о свободѣ воли отличается такимъ образомъ далеко не столь безусловнымъ смысломъ, какъ современное философское понятіе о свободѣ. Тѣмъ необходимѣе въ данномъ случаѣ для изслѣдователя патристической литературы тщательный анализъ понятій, иначе читатель будетъ введенъ въ заблужденіе и пойметъ патристическое ученіе о свободѣ воли въ смыслъ современно-философскомъ.

Выясняя нравственное ученіе Василія Великаго со стороны его зависимости отъ предшествовавшей философской и богословской литературы, авторъ сопоставляетъ его съ

этикой Платона, Аристотеля, стоиковъ, Климента Александрійскаго и Оригена. Отмѣчаемыя имъ параллели соответствують дѣйствительности и чужды преувеличеній и утрировки. Съ этикою перечисленныхъ философовъ и церковныхъ писателей авторъ познакомился по нѣкоторымъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ. Онъ пользовался исторіей философіи Целлера, книгами Винтера и Капитѣна о нравственномъ ученіи Климента и Оригена. По первоисточникамъ онъ изучалъ только нравственную систему Климента Александрійскаго. Было бы желательно болѣе непосредственное знакомство и съ прочими писателями, но отсутствіе такого нельзя, конечно, ставить автору въ большую вину, такъ какъ это потребовало бы отъ него слишкомъ много труда и могло бы отвлечь его отъ главнаго предмета изслѣдованія. Болѣе существеннымъ недостаткомъ этого отдѣла сочиненія г. Титова является то, что имъ не выяснено отношеніе Василія Великаго къ Плотину. Это было бы вполне умѣстно, потому что многія страницы трудовъ Василія Великаго носятъ на себѣ ясныя слѣды знакомства его съ сочиненіями этого философа.

Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне достаточно“.

35) Заслуженнаго ординарнаго профессора Василія Ключевскаго о сочиненіи студента *Триумфова Александра*: „Дѣятельность Св. Синода по благоустройству Русской Церкви“:

„Сочиненіе раздѣлено на двѣ части: въ первой авторъ разсматриваетъ дѣятельность Св. Синода по устройенію церковнаго вѣдомства, во второй—его дѣятельность, какъ руководителя православнаго общества въ религіозно-нравственной жизни и насадителя христіанской вѣры среди иновѣрцевъ. Въ обѣихъ частяхъ, особенно въ первой, авторъ довольно полно воспользовался данными, какія нашель въ изданныхъ собраніяхъ документовъ о дѣятельности Св. Синода въ первыя два десятилѣтія его существованія; видно, что авторъ основательно изучилъ свой матеріаль. Въ общихъ выводахъ своихъ, какъ и въ историческомъ освѣщеніи отдѣльныхъ фактовъ, онъ руководствовался и многими изслѣдованіями, содержаніемъ своимъ соприкасающимся съ его предметомъ (Самарина, Устрялова, Чистовича, Барсова, о. Горчакова и др.). Изложеніе вообще просто и до-

вольно точно; только гдѣ автору приходится приводить излагаемые факты въ связь съ общимъ теченіемъ русской жизни, его рѣчь страдаетъ недостаткомъ отчетливости и сжатости. Впрочемъ сочиненіе А. Триумфова можно признать очень удовлетворительнымъ“.

36) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Троицкаго Ивана*: „Внутренняя исторія поповщины“:

„Одинъ изъ несомнѣнныхъ и крупныхъ пробѣловъ въ литературѣ о русскомъ расколѣ составляетъ отсутствіе такихъ ученыхъ работъ, которыя давали бы изложеніе его внутренней исторіи если не во всемъ ея объемѣ (о чемъ, по-видимому, еще рано думать), то за извѣстный, болѣе или менѣе обширный періодъ, представляя эту исторію не какъ рядъ случайно нагроможденныхъ фактовъ, а какъ цѣльный и связанный процессъ, подчиняющійся общей послѣдовательности и законмѣрности историческихъ событій. Только разработка ранней исторіи старообрядческаго раскола за первое подустолѣтіе его существованія (XVII вѣкъ) до извѣстной степени приближается къ желательному уровню научныхъ требованій; что же касается дальнѣйшаго хода событій въ расколѣ, распавшемся на двѣ основныя группы—поповщину и безпоповщину съ ихъ частичными дробленіями и подраздѣленіями, то здѣсь, при наличности извѣстнаго числа серьезныхъ и цѣпныхъ монографическихъ работъ, въ дѣлѣ научнаго обобщенія достигнутыхъ ими частичныхъ результатовъ мы стоимъ, можно безошибочно сказать, еще при самомъ началѣ работы. Мы не только не имѣемъ цѣльной исторіи поповщины или безпоповщины, гдѣ представленіе внутренняго хода и послѣдовательности происшествій возвышалось бы надъ анекдотическою случайностью, но, по-видимому, и самая мысль о возможности такой обработки исторіи раскола не у всѣхъ изслѣдователей пользуется довѣріемъ и сочувствіемъ.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія во всякомъ случаѣ не принадлежитъ къ этой, сейчасъ указанной группѣ писателей о расколѣ. Не задаваясь мыслью о новыхъ частичныхъ изысканіяхъ, восполняющихъ уже не малый запасъ имѣющихся въ литературѣ фактическихъ данныхъ изъ исторіи поповщины, онъ поставилъ своею цѣлью разобраться въ

этихъ данныхъ и подмѣтитъ въ нихъ тѣ основныя руководящія идеи, мотивы и направленія, которыя уясняютъ внутренній смыслъ отдѣльныхъ фактовъ исторіи названной части раскола и ихъ взаимную связь. Нѣтъ нужды передавать здѣсь содержаніе его изслѣдованія и отмѣчать его результаты: первое легко можно видѣть изъ подробнаго оглавленія сочиненія (I—IV стр.), а вторые тщательно и удачно формулированы самимъ авторомъ въ заключительномъ отдѣлѣ, занимающемъ послѣднія 30 страницъ (329—359) его труда. Достаточно будетъ, поэтому, ограничиться немногими замѣчаніями о внутреннихъ качествахъ послѣдняго. Въ своемъ сочиненіи г. Троицкій показалъ серьезное и внимательное знакомство съ существующею литературой по вопросамъ, сопряженнымъ съ предметомъ его изученія; онъ не только усвоилъ всѣ дѣйствительно цѣнные результаты работы своихъ предшественниковъ, но и подвергъ ихъ, по мѣрѣ возможности, самостоятельной критической провѣркѣ; въ пестротѣ и обиліи изучаемыхъ фактовъ онъ вѣрно подмѣтилъ ихъ внутреннюю сущность и ихъ взаимное соотношеніе и въ общемъ — далъ серьезный опытъ внутренней исторіи поповщины, основныя положенія и руководящія мысли котораго заслуживаютъ полнаго вниманія какъ въ чисто научномъ, такъ и въ миссіонерско-практическомъ отношеніи. Изложеніе стройное и чуждое замѣтныхъ погрѣшностей.—Авторъ вполне заслуживаетъ искомой степени“.

37) Инспектора Академіи Архимандрита Евдокима о сочиненіи студента *Холмогорова Дмитрія*: „*Феофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдникъ*“:

„Эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Феофанъ Прокоповичъ,—одна изъ интереснѣйшихъ въ нашей исторіи. Въ это время великимъ Преобразователемъ начата ломка старозавѣтныхъ исконныхъ устоевъ, какими держалась жизнь семейная, частная, общественная и государственная. Преобразователь начерталъ предъ собою весьма обширный кругъ дѣятельности въ данномъ случаѣ. Не оставалось ни одной сферы жизни, въ которую бы онъ не старался внести нѣчто новое, чуждое, дотогѣ неизвѣстное русскому человѣку. Онъ хотѣлъ сразу поставить сложную жизнь такого обширнаго государства на ту высоту, какой достигли путемъ медленнаго вѣкового прогресса западныя государства. Всюду

закипѣла при этомъ государѣ-работникѣ кипучая работа—и на морѣ, и на сушѣ, и въ общественныхъ учрежденіяхъ. Русская жизнь подѣ вліяніемъ этого великаго человѣка стала такъ быстро мѣняться, что скоро многіе перестали ее узнавать. Мало того, многимъ стало казаться, что на Руси вездѣ и всюду запахло антихристомъ и великій Преобразователь былъ даже окрещенъ этимъ нелестнымъ титуломъ. Реформа глубоко коснулась и церковной жизни. Вотъ обстоятельства, которыя въ достаточной мѣрѣ объясняютъ, почему авторъ взялъ на себя трудъ прослѣдить судьбы проповѣди въ данный періодъ хотя бы по трудамъ одного человѣка. Работа его важна въ смыслѣ выясненія того, какъ церковные дѣятели отвѣчали на эти запросы времени, гдѣ они были правы, гдѣ глубоко ошибались. Въ отвѣтъ на эти вопросы каждый читатель можетъ почерпнуть не мало назидательнаго для себя и современные церковные дѣятели немалому могутъ поучиться здѣсь. Въ исторіи часто можно встрѣчать почти аналогичныя явленія, однородныя условія дѣятельности, съ одной стороны, съ другой, отрицательныя явленія жизни всегда останутся отрицательными, въ какое бы время мы ни жили.

Сочиненіе автора состоитъ изъ слѣдующихъ частей. Въ краткомъ введеніи (1—4) авторъ говоритъ о планѣ своего сочиненія, методѣ, источникахъ и пособіяхъ. Въ первой главѣ вниманію читателя предлагается біографія Теофана Прокоповича, написанная съ необыкновенной тщательностью. Авторъ по временамъ сообщаетъ мельчайшія подробности изъ жизни этого человѣка, при этомъ онъ иногда указываетъ цѣлый рядъ писателей, высказывавшихся такъ или иначе по какому либо частному спорному біографическому вопросу. Во второй главѣ изображаетъ состояніе проповѣдничества до Теофана Прокоповича и отчасти въ его время. Въ это время русская проповѣдь носила схоластическій характеръ. Русскіе такъ научились проповѣдовать, что, кажется, опередили своихъ западныхъ учителей и ихъ многому въ этомъ искусствѣ могли бы поучить. Авторъ даетъ весьма обстоятельную характеристику проповѣдничества въ рассматриваемый періодъ. Онъ не отдѣляется въ данномъ случаѣ только общими фразами, взятыми наскоро изъ перваго учебника или шаблонной книжки, а всѣ свои положе-

нія подтверждаеть въ высшей степени удачными и умѣло подобранными примѣрами, заимствованными изъ схоластическихъ проповѣдей. Предъ читателемъ вереницей проходятъ схоластическіе проповѣдники—Іоанникій Голятовскій, Лазарь Барановичъ, Симеонъ Полоцкій, Стефанъ Яворскій и многіе другіе. Онъ даетъ характеристику не одной какой либо стороны схоластическаго проповѣдничества, а всѣхъ, и при этомъ всюду почти одинаково полно и обстоятельно. Авторъ говоритъ о схоластицизмѣ даже въ польской проповѣди, которая оказывала сильное вліяніе на русскую. Онъ подробно останавливается на проповѣдяхъ извѣстнаго польскаго проповѣдника Томы Млодзяновскаго. Въ третьей главѣ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о гомилетической теоріи Теофана Прокоповича. Теофанъ Прокоповичъ не только не раздѣлялъ крайностей схоластической гомилетики, и не только не признавалъ этой теоріи, но и выступилъ въ своемъ курсѣ съ безпощадной критикою ея. Опровергая одна за другою всѣ схоластическія тонкости, онъ рассыпаетъ вездѣ и всюду поразительно остроумныя, насмѣшливыя, по мѣстамъ полныя злой пропіи, замѣчанія по адресу схоластическихъ проповѣдниковъ. Особенно онъ обрушивается на польскихъ проповѣдниковъ, а среди нихъ всего больше тяжелаго и убійственнаго вниманія удѣляетъ извѣстному Томѣ Млодзяновскому. Это былъ незыблемый авторитетъ среди проповѣдниковъ того времени. Говорить противъ него значило возбуждать и возстановлять противъ себя почти всѣхъ. Не смотря на это, Прокоповичъ объявилъ ему войну и вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Идолъ былъ низверженъ. Осмѣявъ и отвергнувъ схоластическую теорію проповѣди, Теофанъ Прокоповичъ предлагаетъ взамѣнъ ея свою. Авторъ излагаетъ ее вполне удовлетворительно. Въ четвертой главѣ дѣлаетъ разборъ проповѣдей Теофана Прокоповича съ внутренней стороны. Авторъ употребилъ не мало труда, чтобы основательно изучить проповѣди Теофана Прокоповича и удачно воспользоваться ими въ своихъ цѣляхъ. Онъ рисуетъ довольно яркую картину дѣятельности этого проповѣдника въ борьбѣ съ различными недочетами русской религіозно-церковной жизни, въ проведеніи новыхъ культурныхъ началъ въ жизнь народа и т. д. Если бы авторъ предполагалъ большимъ временемъ, то онъ могъ бы дать еще

болѣе подробную и обстоятельную характеристику проповѣдничества Теофана. Свое сочиненіе авторъ не успѣлъ окончить; онъ не успѣлъ написать двухъ главъ: обзора проповѣдей съ внѣшней стороны (5 гл.) и оцѣнки проповѣдничества Теофана (6 гл.). Языкъ сочиненія сжатый, точный, вполнѣ литературный, по мѣстамъ даже весьма художественный. Литературу своего предмета авторъ собралъ всю и изучилъ ее весьма тщательно. Подъ строкой онъ отмѣчаетъ иногда и литературу по побочнымъ вопросамъ (15 и др.), указываетъ достоинства и недостатки переводовъ проповѣдей Теофана Прокоповича (12) и различныя ошибки, неточности въ различныхъ ихъ изданіяхъ (189 и др.). Въ общемъ въ очень хорошемъ сочиненіи нужно отмѣтить слѣдующіе недостатки. Біографическія свѣдѣнія, излагаемая авторомъ въ первой главѣ, такъ мало по мѣстамъ приурочены къ выясненію проповѣдничества Теофана, что могутъ быть помѣщены во всякомъ историческомъ очеркѣ о Теофанѣ. Въ интересахъ дѣла автору, напр., слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на изученіе имъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ риторики, о выдающихся проповѣдникахъ того времени, сборникахъ проповѣдническихъ, наконецъ на риторику, написанную самимъ Теофаномъ (145) и на преподаваніе имъ самимъ риторики. Иногда авторомъ приводятся біографическія свѣдѣнія только „для послѣдовательности разсказа“. Да и всю первую главу его изслѣдованія лучше было бы озаглавить иначе, напр. проповѣдничество Теофана. Нельзя не упрекнуть автора за то, что слишкомъ много удѣляетъ вниманія характеристикѣ схоластической проповѣди. Не всегда авторъ выдерживаетъ свой планъ (11. 92. 194 и др.), вмѣсто внутренней связи между событиями часто остается одна только внѣшняя. Содержаніе проповѣдей излагаетъ также не придерживаясь строго продуманнаго плана. Встрѣчаются въ сочиненіи и ошибки (8. 15. 21. 25. 43. 56. 57. 120 и др.).

Степени кандидата богословія за свое сочиненіе авторъ заслуживаетъ“.

38) Ординарнаго профессора Николая Заозерскаго о сочиненіи студента *Чистилина Дмитрія*: „Свѣтлыя и темныя стороны въ устройствѣ и бытѣ монастырей XVI вѣка, обнаружившіяся въ полемикѣ Заволжскихъ старцевъ и Иосифлянъ“:

„Задачу и планъ сочиненія авторъ изъясняетъ въ предисловіи (стр. V) слѣдующими словами: „Полемика Заволжскихъ старцевъ и Іосифлянъ отмѣчаетъ въ исторіи монашества XVI в. три самостоятельныхъ теченія монашеской жизни. Съ одной стороны *общее и глубокое состояніе деморализованнаго инокства* ¹⁾, съ другой—общезижительное съ практическимъ направленіемъ монашество Іосифа Волоцкаго и пустынножителство Заволжскихъ старцевъ или послѣдователей Нила Сорскаго. Пользуясь полемикою, какъ основнымъ своимъ руководствомъ, мы будемъ *изучать* ²⁾ монашескую жизнь XVI в. въ трехъ указанныхъ направленіяхъ.... Прежде всего проникнемъ въ сферу деморализованнаго монашества и укажемъ причины такого состоянія его, а такъ какъ послѣднія заключались въ устройствѣ монастырей XVI в., то мы сначала охарактеризуемъ это устройство, и за тѣмъ изслѣдуемъ бытъ монашествующихъ: это будетъ составлять первую часть нашей работы. За тѣмъ изслѣдуемъ общежитиительное монашество Іосифа Волоцкаго съ его практическимъ направленіемъ—что составитъ вторую часть труда; наконецъ—въ 3-й части—скитничество Заволжскихъ старцевъ. Въ заключеніе мы представимъ краткую сравнительную оцѣнку двухъ послѣднихъ направленій монашеской жизни XVI в.“

Расположенное по этому плану—простому и вполне цѣлесообразному—сочиненіе обнимаетъ предметъ темы всесторонне и полно за исключеніемъ 3-й части, которая по обстоятельствамъ, авторомъ необъясненнымъ, не представляетъ надлежащей полноты.

Въ первой части, изображающей устройство и бытъ монастырей, сложившіяся къ XVI вѣку, раздѣльно указываются темныя стороны монашескаго быта, возникшія изъ трехъ особенностей монастырскаго устройства, какъ изъ своихъ причинъ: 1) изъ вотчиннаго права монастырскихъ властей надъ крестьянами; 2) изъ обычая пополнять монастыри насильственно постриженными знатными боярами; и 3) изъ недостатка хорошаго управленія.

¹⁾ Конечно авторъ хотѣлъ сказать: „общее состояніе глубоко деморализованнаго инокства“.

²⁾ Надобно бы сказать: „обозрѣвать“ монашескую жизнь.